

РЕЧЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СКАЗОВОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. ШУКШИНА

В статьях, монографиях и диссертациях последних лет большое внимание уделяется секретам художественного мастерства писателя, особенностям его жанровой и стилевой системы, художественной образности. Среди современных работ выделяются своей основательностью исследования В. Горна, В. Елистратова, О. Илюшиной, С. Кормилова, Т. Свербиловой, В. Сигова, Е. Скворецкой, Ю. Филиппова и других.

Хотя о В. Шукшине написано немало научных и критических работ, не все аспекты творчества писателя изучены в полной мере. Это касается прежде всего исследования языковых особенностей в произведениях писателя. Анализ влияния фольклора на языковой строй произведений разных жанров имеет значение для переосмысления истории русской литературы XX века, а также для решения проблемы «традиция и новаторство в литературе».

Целью статьи является исследование своеобразия организации повествовательной структуры произведений В. Шукшина разных жанров: от рассказа до романа.

Основу рассказов писателя составляет сказ, сочетающийся с другими типами наррации (диалогом, несобственно-прямой речью, авторским повествованием). Сказ предполагает наличие характерного образа рассказчика, чья позиция не всегда совпадает с точкой зрения автора. Кроме того, сказ ориентирован на речь устную, то есть создаваемую в момент рассказывания, что придает особую достоверность событиям и диалогизм.

Сказовые элементы весьма продуктивны в рассказах В. Шукшина. Образ рассказчика взят писателем из народной среды, рассказчик повествует о событиях, которые произошли у него на глазах или о которых он узнал доподлинно. Функция рассказчика в малой прозе В. Шукшина – не столько поведать о том или ином факте, сколько выразить народную (моральную) оценку происходящего. Рассказчик в произведениях писателя наделяет героев меткими характеристиками, которые раскрывают нравственную сущность персонажей. Например, в названии рассказа «Упорный» (1973) подчеркивается ведущая черта характера главного героя, о ней говорит и рассказчик: «...непоседливому Митьке имя это, Моня, как-то больше шло, выделяло его среди других, подчеркивало как раз его непоседливость и строптивый характер» [3, с. 169].

Эффект рассказывания поддерживается специфическими сказовыми формулами: «Дело было так» («Суд», «Выбираю деревню на жительство», «Танцующий Шива»), «Все началось с того, что...» («Упорный»), «Вспоминаю из детства один случай» («Дядя Ермолай»), «Но – к делу. Что случилось?» («Обида») и т. п.

Точка зрения рассказчика не всегда совпадает с точкой зрения героя и автора. И это несовпадение создает эмоциональное напряжение в произведениях В. Шукшина, определяет полифонизм рассказов писателя, которые лишены однозначности. Поскольку рассказчик, автор и герои тесно связаны с народной жизнью, то несовпадение их точек зрения создает представление о сложной и многообразной народной философии. Однако если трактовки образов и событий в освещении рассказчика, автора и героев могут различаться, то моральные ориентиры в произведениях В. Шукшина весьма ясны. И автор, и рассказчик отдают предпочтение вечным народным ценностям – добру, трудолюбию, любви к родине, человечности.

Сказовое повествование В. Шукшина насыщено композиционными элементами фольклора. Например, рассказ «Мастер» начинается словами: «Жил-был в селе Чебровка некто Семка Рысь...». Спирька Расторгуев («Сураз») говорит о себе приезжим: «Ну, и стал я, значит, жить-поживать...».

Многие произведения устного народного творчества (например, сказки, былины и др.) имеют характерные зачины и концовки. В. Шукшин нередко организует начало и конец рассказов в фольклорном стиле. Рассказ «Степка» начинается словами: *«И пришла весна – добрая и бестолковая, как незрелая девка»* [2, с. 71].

Индикаторами сказа являются сопутствующие рассуждения, вставные замечания, уточнения, вводные конструкции автора или рассказчика. Например, в произведении «Мастер» рассказчик по ходу повествования замечает: *«кажется, не зная таким рукам усталости, и Семка так, для куража, орет...»* [2, с. 422]. А в рассказе «Обида» рассказчик выражает свое отношение к случаю, который произошел с Сашкой Ермолаевым: *«Сашку Ермолаева обидели. Ну, обидели и обидели – случается. Никто не призывает бессловесно сносить обиды, но сразу из-за этого переоценивать все ценности человеческие, ставить на пона самый смысл жизни – это тоже, знаете ... роскошь...»* [3, с. 18].

Основу языка рассказов В.Шукшина составляет народная лексика. Автор умело использует диалектизмы (например, «сураз»), просторечия («срезал», «чудик», «залетный»), устойчивые слова и выражения («сыра земля», «красное солнышко», «быстро сказка сказывается...» и др.). В синтаксическом отношении язык рассказов В. Шукшина отличается простотой, доступностью. Автор отдает предпочтение несложным синтаксическим конструкциям (неполным, односоставным предложениям, фигуре эллипсиса и др.), которые создают эффект живого народного повествования.

Как и произведения устного народного творчества, рассказы В. Шукшина не сложны по своей композиционной и сюжетной организации. В центре малой прозы писателя, как правило, взят один эпизод, а участвует в нем весьма ограниченное количество персонажей (один-три). Однако за внешней простотой в творчестве В. Шукшина скрываются весьма непростые проблемы жизни, в осмыслении которых писатель обращается к истокам народного сознания. Писатель вместе со своими героями ищет те нравственные устои, которые он считает крайне необходимыми для современности.

В киноповести «Калина красная» в отличие от рассказов сказовое начало ослаблено, поскольку произведение предназначалось для просмотра, а не для чтения. Здесь нет ярко выраженного образа рассказчика, автор принимает на себя нарративную инициативу, давая по ходу действия отдельные короткие оценки и комментарии происходящего. Значительное место в произведении отводится диалогам, которые являются основной формой развития сюжета.

В язык персонажей и язык автора широко включены разговорные конструкции. Впечатление живого разговора создается за счет эллиптических предложений, неполных предложений (присоединение к сказанному чего-то нового, только что возникшего в сознании говорящего), междометий и т.д.

В языке произведения особое место занимают устойчивые слова и выражения, характерные для устного народного творчества. Например: *«сиротинушка горькая», «думу думает», «зоренька ясная», «трава-мурава», «как конь в гору», «попридержи коней»* и др.

Как и в других произведениях В. Шукшина, имя персонажа в «Калине красной» выполняет функцию сигнального компонента в создании художественного целого. Имена, прозвища героев содержат эмоциональные характеристики, выражают нравственную сущность персонажей (Люба – Любовь, Егор – Горе) либо их оценку (Губошлеп, Люсьен, Бульдог и др.).

Определяя жанр «Калины красной» как киноповесть, В. Шукшин отдавал предпочтение, прежде всего, визуальным формам изображения героев и сюжетных коллизий. Но для художника главным было не внешнее столкновение, а те внутренние процессы, которые его обусловили. Поэтому средства визуализации в произведении насыщены глубоким философско-психологическим подтекстом. Например, в эпизоде, когда Егор Прокудин приехал к матери в Сосновку, герой испытывает большое психологическое потрясение. Внешне он показан прислонившимся лбом к дверному косяку избы, *«долго стоял так, сжимая рукой косяк, так, что рука побелела»*. Через этот жест мы понимаем, как истосковалась душа Егора по дому, какое огромное чувство вины он испытывает перед

своей родиной и перед матерью. Встреча с родным домом дала толчок герою задуматься о смысле жизни, о пройденном пути.

Характерной особенностью произведений народного творчества является синкретизм искусств, когда сливаются воедино слово и музыка, слово и танец, слово и обрядовое действие и т. д. В киноповести «Калина красная» писатель умело соединяет вербальные и невербальные (мелодия, танец) средства раскрытия основного конфликта и образов. Синкретизм прозы В. Шукшина проявляется и в установке не только на «слово сказанное», но и на «слово изображенное», что ярко проявляется в киноповести.

Повествовательная структура романа «Любавины» отличается от малых и средних форм прозы В. Шукшина. Жанр романа давал больше возможностей писателю для нарративных поисков. Основной формой развития сюжета в произведении является диалог и полилог. Сказ как тип повествования служит воспроизведению «живых голосов» эпохи, многообразной и большой жизни. Вместе с тем в пределах произведения сочетаются сказ и несобственно-прямая речь, несобственно-авторское и объективированное повествование. Все это способствует объемности образов и ситуаций, их изображению с разных точек зрения. Поскольку повествовательная инициатива в романе переходит от автора к персонажу или от одного персонажа к другому, то в стилистическом отношении роман «Любавины» является многомерным образованием, где соединяются различные стилевые элементы (разговорные, книжные, устнопоэтические и др.).

Между героями, которых в романе В. Шукшина немало, и автором существует определенная дистанция, однако она не является непреодолимой границей. В произведении наблюдаем взаимодействие слова автора и слова персонажей. Когда Клавдя догадалась о том, что Кузьма любит Марью, ее догадки грубо обрывает Кузьма, скрывая за этой грубостью правду. Клавдя притихла, а автор завершает эту сцену: *«может, заснула, а может, думает самую горькую думу на свете, которую никто еще до конца не додумал»* [1, с. 195]. Размышления Федора Байкалова и Кузьмы Родионова о жизни в финале подтверждаются философским выводом автора.

Нарративная структура романа «Я пришел дать вам волю» сложна. В ней можно выделить несколько нарративных пластов: речь автора, речь персонажей, несобственно-прямая речь, стилизации (летописей, фольклорных форм). Взаимодействие этих нарративных пластов создает образ противоречивой эпохи, звучащей на разные голоса и представляющей с разных точек зрения.

Автор выступает как человек XX века, как философ. Он увлечен историей, пытается постичь ее глубинные основы и закономерности. Как и в произведениях устного народного творчества, автор прямо поддерживает Степана Разина, обращается к нему, что создает эффект живого диалога и органической связи между разными историческими эпохами.

Итак, нарративная структура произведений писателя изменялась с течением времени. Если в ранних рассказах художник отдавал предпочтение событию в изложении вымышленного рассказчика (сказ) и диалогической форме повествования, то в зрелых произведениях нарративная структура предстает более сложной: здесь объединяются слово авторское и слово рассказчика (иногда рассказчиков несколько), слово «сказанное» (разными персонажами) и слово «изображенное» (с разных точек зрения), диалоги (полилоги) и описания, характеристики, лирические отступления. Особый интерес вызывают типы наррации в романе «Я пришел дать вам волю». В. Шукшин внес значительный вклад в развитие жанра романа не только тем, что по-новому подошел к известной теме и к образу Степана Разина, но и тем, что придал исторической теме философское звучание, раскрыл идею воли в исторической перспективе и многопланово, чему способствовала нарративная структура произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шукшин В.М. Собрание сочинений: В 5-ти тт. / В.М.Шукшин – Т. 1. – Бишкек: Венда, 1992. – 544 с.
2. Шукшин В.М. Собрание сочинений: В 5-ти тт. / В.М.Шукшин – Т. 4. – Бишкек: Венда, 1992. – 480 с.
3. Шукшин В.М. Собрание сочинений: В 5-ти тт. / В.М.Шукшин – Т. 5. – Бишкек: Венда, 1992. – 512 с.

У пропонованій статті досліджено вплив фольклору на поетичне мовлення В. Шукшина. Фольклорна конотація мовних засобів дає мовну та психологічну характеристику персонажам. Традиції усної народної творчості знайшли втілення в лексиці та синтаксисі творів. Тема статті пов'язана з вивченням процесу взаємодії літератури й фольклору, який набуває великого значення в ХХ столітті. Вплив фольклорних традицій на літературу спостережено в творчості письменників, які пишуть про село. Підтвердженням цьому є проза В. Шукшина.

Ключові слова: традиція, традиційність, фольклор, усна народна творчість, лексика, синтаксис.

The subject of our research is the influence of folklore on Vassiliy Shukshin's poetic language. The folk connotation of linguistic means gives the linguistic and psychological characteristics to the character. Folk traditions are reflected in the vocabulary and syntax of the stories. The theme of the article is closely connected with the investigation of the process of interaction of literature and folklore, which acquires importance in the epoch of the XX century. The influence of folk traditions on literature is observed in the creative work of the writers who describe the rural life. Shukshin's prose is the corroboration of it.

Key words: tradition, traditional character, folk, folklore, vocabulary, syntax.

Ольга Павлушенко
(Вінниця)

УДК 821.161.2.09

КОНЦЕПТ «ДИТИНСТВО» В МОВНО-МЕНТАЛЬНОМУ ПРОСТОРИ МИХАЙЛА СТЕЛЬМАХА

Мовна картина світу Михайла Стельмаха, без перебільшення, унікальне явище. Самобутність ідеостилу письменника насамперед у його індивідуальному художньому світобаченні, втіленому в оригінальній лексико-семантичній палітрі мовних засобів. Неповторним і яскравим є індивідуально авторське слововживання подільського ювеліра художньої прози. Літературна творчість Михайла Стельмаха втілила його глибоке, образне світовідчуття, яке виростало з благодатного ґрунту народного світогляду подолян і сягнуло вершин завдяки особистому витонченому відчуттю краси мовного багатства рідного краю, усвідомленню духовних щедрот подільських українців, щирої залюбленості в чисті джерела фольклору, багаті на невичерпну народну мудрість в оцінці подій, фактів та персонажів реального життя.

Цілком закономірно, що мовна картина світу Михайла Стельмаха до сьогодні викликає науковий інтерес у лінгвістів. Сучасні прямування мовознавців до осягнення глибинної суті зв'язку мови з інтелектуальними, когнітивними й творчими процесами у свідомості людини відкривають нові аспекти для дослідження мовного феномену живописця у прозі. Концептуальний аналіз мови творів Михайла Стельмаха збагатить наші уявлення не тільки про індивідуальну творчу лабораторію маестро слова, а й надасть цікаву й цінну інформацію для реконструкції цілісної мовної картини світу краян Поділля, особливих прикмет їхнього ментального й етнокультурного простору, етнопсихології.

Предметом дослідження ми обрали концепт «дитинство» у мовно-ментальному просторі Михайла Стельмаха.

Наші студії перебувають переважно в площині аналізу змісту орнаментальних вербальних засобів відтворення дитячих вражень письменника, реконструйованих ним в автобіографічних повістях «Щедрий вечір» і «Гуси-лебеді летять».

Свою увагу ми зосередили саме на змісті, а не значенні лексичних і синтаксичних одиниць та конструкцій не випадково. На нетотожність понять «зміст» і «значення» вперше вказали логіки, які виявили, що значення слова охоплює поняття про референт, тоді як його зміст перебуває у площині контексту, який містить оцінні характеристики предмета з погляду особи чи етносу.

На особливу, антропологічно зорієнтовану, природу змісту слова чи виразу звернули увагу ще античні стоїки. Вони ввели поняття «лектон», яке мало значення не процес мовлення, а те, як і що саме мовиться про референт. «Лектон», або зміст, розгортається в